

въ тотъ образъ мыслей, котораго прежде не удостоивали серьезнаго взгляда.» Вслѣдъ за тѣмъ читаемъ слѣдующія строки, которыя выписываемъ вполнѣ:

„Въ это самое время отъ нихъ („Отечественныхъ Записокъ“) отошли нѣкоторыя изъ постоянныхъ ихъ сотрудниковъ и основали новый журналъ. Отъ нихъ, разумѣется, нельзя было ожидать направленія по существу своему новаго; но можно и должно было ожидать лучшаго, достойнѣйшаго выраженія того же направленія; всего отраднѣе было то, что редакцію принялъ на себя человѣкъ, умѣвшій сохранить независимое положеніе въ нашей литературѣ и не написавшій ни одной строки подъ влияніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія; наконецъ, въ новомъ журналѣ должны были участвовать лица, издавна живущія въ Москвѣ, хорошо знакомыя съ образомъ мыслей другой литературной партіи и съ ея послѣдователями, прошедшія съ ними нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, и узнавшія ихъ безъ посредства журнальныхъ статей и сплетенъ, развозимыхъ заѣзжими посѣтителями.“

Но—увы!—ожиданія «Москвитянина» или его критика, М.... З.... К..., не сбылись!

„Скажемъ откровенно (говорить онъ): первый номеръ „Современника“ не оправдалъ нашего ожиданія. Можетъ быть, мы и ошибаемся; но, по нашему мнѣнію, новый журналъ подлѣжитъ тремъ важнымъ обвиненіямъ: во-первыхъ, въ отсутствіи единства направленія и согласія съ самимъ собою; во-вторыхъ, въ односторонности и тѣснотѣ своего образа мыслей; въ-третьихъ, въ искаженіи образа мыслей противниковъ.“

Остановимся на этомъ. Увертюра разграна мастерски и вполнѣ подготовила къ впечатлѣнію самой оперы; остается только слушать, восхищаться и аплодировать. Явно, что изъ трехъ важныхъ обвиненій, вводимыхъ критикомъ «Москвитянина» на «Современникъ», въ его глазахъ истинно важно только то, которое онъ не безъ умысла поставилъ послѣднимъ, какъ менѣе другихъ важное. Съ первыхъ же строкъ статьи видно, что тутъ дѣло собственно не о «Современникѣ».

Но умыселъ другой тутъ былъ:

Хозяинъ музыку любилъ.

Что такое «московское направленіе», загадочной рѣчью о которомъ начинается статья? Разумѣется, такъ-называемое славянофильство. Очевидно, что авторъ статьи — славянофилъ. Но онъ не хочетъ этого названія; онъ говоритъ, что его партію окрестили имъ петербургскіе журналы. Изъ этого видно, что онъ самъ чувствуетъ все смѣшное, заключающееся въ этомъ словѣ, но онъ не чувствуетъ, что слово можетъ быть смѣшно не само собою, а заключеннымъ въ немъ понятіемъ, и что переименовать названіе вещи не значитъ измѣнить самую вещь. Петербургскіе журналы не сговаривались давать названіе славяно-

филовъ литераторамъ извѣстнаго образа мыслей; вѣроятно, они или подслушали его у самихъ этихъ литераторовъ, или извлекли изъ сущности ихъ ученія, альфа и омега котораго суть славяне, враждебно и торжественно противопоставляемые гниющему Западу. На свѣтѣ много охотниковъ называть своихъ противниковъ смѣшными или не смѣшными именами. Это же и не мудрено; но мудрено дать кому-либо такое названіе, которое бы принято было всѣми! Такія удачныя названія рѣдко выдумываются кѣмъ-нибудь, но принадлежать всѣмъ и никому въ особенности. Таково и названіе славянофиловъ. Но пусть славянофилы не будутъ больше славянофилами; намъ это все равно: мы не видимъ важнаго вопроса не только въ названіи славянофиловъ, но даже и въ сущности ихъ ученія. Итакъ, пусть они изъ славянофиловъ переименуются во что имъ угодно, но только не въ «московское направленіе»: этого не можетъ допустить здравый смыслъ. Во-первыхъ, выраженіе «московское направленіе» неловко и неудобно для обозначенія литературной партіи: какъ называть людей «направленіемъ»? А во-вторыхъ—и это главное—почему славянофильство именно московское направленіе? Мы понимаемъ, что господамъ славянофиламъ, живущимъ въ Москвѣ, очень лестно прикрыться именемъ такого важнаго въ Россіи города, какъ Москва, и завербовать въ свои ряды всѣхъ москвичей поголовно; но лестно ли это будетъ для Москвы и москвичей—вотъ вопросъ! И что на это скажутъ съ, одной стороны, тѣ московскіе ученые, которые, по словамъ самого критика «Москвитянина», не раздѣляютъ образа мыслей «московскаго направленія», но хорошо съ нимъ знакомы; а съ другой стороны, лица, которыя раздѣляютъ этотъ образъ мыслей, но живутъ и пишутъ въ Петербургѣ?... Намъ кажется, что славянофильству чуть ли не болѣе слѣдуетъ названіе петербургскаго направленія, чѣмъ московскаго. По крайней мѣрѣ, сколько мы знаемъ славянофильство, оно совсѣмъ не такъ ново на Руси, какъ, можетъ быть, думаютъ сами послѣдователи этого ученія. Кому не извѣстно, что успѣхи Карамзина въ преобразованіи русскаго литературнаго языка вызвали въ началѣ нынѣшняго столѣтія партію, которая, вооружаясь противъ его нововведеній, думала отстаивать отъ иноземнаго влияния родной языкъ и добрые праотческие нравы! Какъ вы думаете, не сродни ли эта партія нынѣшнимъ славянофиламъ? Вотъ нѣсколько стиховъ на выдержку изъ посланія Василя Пушкина къ Жуковскому,—пьесы, по которой можно до извѣстной степени судить о живости и характерѣ борьбы двухъ партій нашей литературы того времени: